

ВѢСТНИКЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

1860.

6.

СОДЕРЖАНИЕ:

I. ДѢЙСТВІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.	
Журналъ Засѣданія Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 27 января 1860 г.	27
Списокъ книгамъ, картамъ и рукописямъ, поступившимъ въ Императорское Русское Географическое Общество съ 5 декабря 1859 по 27 января 1860 г.	31
Списокъ лицъ, предлагаемыхъ въ Дѣйствительные Члены Императорскаго Русскаго Географическаго Общества	37
Списокъ лицъ, избранныхъ въ Члены-Сотрудники Императорскаго Русскаго Географическаго Общества	40
Журналъ Засѣданія Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 27 февраля 1860 года	41
Списокъ книгамъ, картамъ и рукописямъ, доставленнымъ въ Императорское Русское Географическое Общество съ 27 января по 27 февраля	45
Списокъ лицъ, предлагаемыхъ въ Дѣйствительные Члены Императорскаго Русскаго Географическаго Общества	51
Списокъ лицъ, избранныхъ въ Члены-Сотрудники Императорскаго Русскаго Географическаго Общества	53
Журналы Общихъ Собраний Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 2 марта и 13 апрѣля 1860 года.	54 и 60
II. ИССЛѢДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ.	
Анаильинскій могильникъ (близъ города Елагубы)	87
IV. КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.	
Алфавитно-Статистический указатель неофиціальной части губернскихъ пѣдомостей, составленный Д. Чл. О. А. Пискаревымъ. (Окончаніе)	1
V. КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ И СМѢСЬ.	
Нѣсколько словъ о судоходствѣ по рекѣ Медвѣдицѣ	18
Выписка изъ письма начальника экспедиціи Геологическаго Отдѣла въ Восточную Сибирь Г. Шмидта изъ Благовѣщенска отъ 27 февраля 1860 г.	17
Собрание Вѣнскаго Географическаго Общества, 10 апрѣля 1860 года, подъ предсѣдательствомъ Барона К. Гицингера.	18
Засѣданіе Берлинскаго Географическаго Общества 14 апрѣля и 5 мая 1860 г.	20 и 21
Австрійскія съемки въ Валахіи и Далмации	23
Англійскія съемки въ Восточной Азіи	—
Путешествіе Генриха Дюверре по Сахарѣ	—
Лондонская карта въ путешествіемъ Буртона и Спика	24
VI. ПРИЛОЖЕНИЯ.	
Журналъ собрания Политико-экономического Комитета, 9 мая 1860 года	1

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВѢСНИКЪ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

издаваемый
подъ редакцію Секретаря Общества
Ѳ. Г. ТЕРНЕРА.

1860.

ЧАСТЬ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
въ типографии в. беゾбразова и комп.

1860.

III.

ИЗСЛѢДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ.

АНАНЬИНСКІЙ МОГИЛЬНИКЪ.

(БЛИЗЬ ГОРОДА ЕЛАБУГИ).

По замѣчанію старожиловъ, рѣка Кама въ многихъ мѣстахъ и между прочимъ у города Елабуги измѣнила свое первоначальное русло.

Въ тѣ времена, когда на мѣстахъ настоящихъ нашихъ поселеній обитали другіе народы, давно уже сошедшіе со сцены міра, и когда въ прикамскомъ краѣ были наиболѣе людными точками тѣ, которыхъ намекаютъ доселѣ о своемъ прошломъ остатками градіозныхъ построекъ, — каково напримѣръ „Чертово городище“, въ полуторѣ верстахъ отъ города и нѣсколько кургановъ, разбросанныхъ въ окрестности, — Кама, безъ сомнѣнія, протекала у самаго подножія крутаго обрыва, на которомъ рисуется нынѣ живописный городокъ Елабуга. Съ того времени, нѣсколько выше города, теченіе Камы видимо уклонилось къ востоку; нѣсколько ниже города, Кама сильнѣе врѣзилась въ правый свой берегъ.

Топографическое положеніе мѣстности ясно доказываетъ, что рѣка Кама нѣкогда шла гораздо ближе къ удѣльной деревнѣ Ананьиной

(выше Елабуги), считающей себя несравненно древиѣ самой Елабуги (*).

Близъ этой-то деревни, растояніемъ отъ ней около версты, на восточной оконечности небольшой косы, нѣсколько загнутой при западномъ окончаніи и возвышеной надъ низменною мѣстностю, ежегодно потопляемою водою Камскаго разлива, ясно обозначился продолговатый курганъ.

Мѣстные жители зовутъ этотъ курганъ „Могильникомъ“, не связывая никакихъ преданій съ этимъ урочищемъ и говоря, что происхожденіе могильника не памятно и не вѣдомо даже дѣдамъ ихъ, изъ которыхъ нѣкоторые дожили до глубокой старости.

Камскій разливъ, ежегодно все болѣе и болѣе подмывая мастигитый холмъ, производить въ немъ обвалы, на мѣстѣ которыхъ жители часто находили старинныя мѣдныя и желѣзныя вещи, полуискусленныя временемъ. Къчастію, вѣроятно, по незначительной цѣнности металла этихъ находокъ, жители не придавали имъ большаго значенія и потому не пытались производить значительныхъ разрытій въ курганѣ, хотя на поверхности его и видно нѣсколько небольшихъ ямъ, оставшихся слѣдами корыстолюбія кладонскателей.

Холмъ поросъ было довольно толстою осокорью (порода тополя),

(*) Эта деревня, принадлежащая Качкинскому Удѣльному Приказу, имѣть свою особенность; поля, ей принадлежащиа, равно какъ и деревни Мальцевой, за вею лежащей, ежегодно понимались бы Камскимъ разливомъ и жители оставались бы безъ хлѣба, если бъ они не выстроили и не поддерживали огромную плотину удерживающую разлива воды. Плотина, выстроенная жителями Анааньина, тянется на 1180 саженъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ высота плотины переходитъ за три аршина.

При неблагопріятныхъ сѣверныхъ вѣтрахъ, когда усиливается напоръ воды на Анааньинскій берегъ, жители, для спасенія своихъ полей, употребляютъ чрезвычайныя усиленія и по двое сутокъ сряду и цѣллы ночи работаютъ на плотинѣ, съ женами и дѣтьми, ни на часъ не отлучаясь отъ своего участка; за всѣмъ тѣмъ случается, что усиленныя труды жителей, не въ силахъ одолѣть напора бурной рѣки — плотина прорывается и поля затопляются.

Такой случай былъ въ третьемъ году. Независимо отъ единовременного несчастія, причиненнаго крестьянамъ этимъ наводненіемъ, уничтоженіемъ ихъ посѣвовъ, онъ имъ принесъ другое: въ противоположность благотворнымъ наводненіямъ Нила и другихъ рѣкъ, утчняющихъ поля ваноснымъ иломъ, Камскій разливъ съ песчаной почвой Анааньинскихъ и Мальцевскихъ полей, на которой трудами многихъ хѣтъ жители успѣли образовать слой урожайного чернозема, унаст этотъ слой и обнажилъ поля до песку, такъ что урожай въ этихъ деревняхъ сдѣлся гораздо меньшимъ по сравненію съ урожаями прошлыхъ годовъ. Нынѣ принимаются мѣры къ устройству надежной плотины, которая бы совершенно обеспечивала поля отъ Камскаго разлива.

но жители Ананьина вырубили его на поддержку своей плотины, начинаящейся отъ самаго почти кургана.

На вершинѣ кургана нѣкогда были большиe камни, по увѣренію нѣкоторыхъ Елабугскихъ жителей, съ какими-то непонятными надписями или знаками. Эти камни, къ сожалѣнію, сдѣлались жертвою невѣжества одного Елабугскаго мѣщанина, живущаго еще и въ настоящее время, который 25 лѣтъ назадъ, плѣнясь ихъ огромностію, увезъ ихъ въ свою баню и употребилъ на *каменку*, гдѣ время и частое каленіе уничтожило совершенно эти памятники, драгоценныe можетъ быть для науки.

Вѣсть о находкахъ, дѣляемыхъ крестьянами на Ананьинскомъ могильнике, дошла до любознательнаго Елабугскаго купца Ивана Васильева Шишкina; онъ собралъ у жителей нѣсколько древнихъ вещей, найденныхъ у кургана и отправилъ ихъ въ Москву къ одному изъ Профессоровъ тамошняго Университета, получивъ въ отвѣтъ на эту присылку удостовѣреніе въ особомъ археологическомъ значеніи присланныхъ вещей и просьбу продолжать открытие подобныхъ же вещей между жителями, а если можно разрыть самый курганъ. Вслѣдствіе этого приглашенія Г. Шишkinъ хотѣлъ было, нѣсколько уже лѣтъ назадъ, приступить къ разработкѣ могильника; но мѣстное удѣльное начальство не допустило его до исполненія его намѣренія, какъ лицо постороннее удѣлу, а поручило своему чиновнику сдѣлать развѣдку кургана. За тѣмъ одинъ изъ депутатовъ Вятской Удѣльной Конторы, при развѣдкѣ кургана, на самой поверхности онаго, подъ слоемъ земли, не болѣе какъ на четверть аршина толщины, нашелъ кости человѣка и при немъ нѣсколько мѣдныхъ частей оружія и нѣсколько другихъ вещей, которыя и были представлены Вятскою Удѣльною Конторою, въ 1857 году, въ Географическое Общество.

Въ началѣ сего года, Г. Шишkinъ, много лѣтъ ревностно стремившійся приподнять таинственный покровъ Ананьинскаго могильника, и тѣмъ хотя нѣсколько прояснить древнюю исторію своей родины, вновь обратился съ убѣдительной просьбою въ Вятскую Удѣльную Контору о дозвolenіи ему, на его собственный счетъ, разрыть могильникъ, съ тѣмъ, что найденные вещи будутъ имъ представлены въ Археологическое Общество. Контора, принимая въ соображеніе основанія прежде сдѣланнаго Г. Шишкину отказа въ таковой же просьбѣ, а также, не рѣшаясь допустить неизвѣстное ей лицо до столь важнаго дѣла, въ опасеніи, что несоблюдениемъ указываемыхъ наукою правилъ вскрытия кургановъ, этимъ вскрытиемъ принесена ей будетъ не польза, а ущербъ, вновь отказала ему въ просьбѣ. А такъ какъ настойчивымъ домогательствомъ

и частыми поездками многихъ для осмотровъ кургана, невольно на него обратилось общее вниманіе окрестныхъ жителей; равно принимая въ соображеніе что ежегодно разливомъ Камы могильникъ болѣе и болѣе разрушается, Вятская Контора рѣшила, чтобы предупредить потерю, какую можетъ понести наука, или отъ неизвѣстеннаго покушеніе кладоискателей, или отъ разрушенія кургана водою, немедленно произвестъ поискъ на этомъ курганѣ.

Честь этого дѣла была предоставлена мнѣ.

Въ іюнѣ сего года, пригласивъ Ивана Васильевича Шишкина находится при поискѣ, который будеть мною сдѣланъ на Анальинскомъ могильникуѣ, желая тѣмъ удовлетворить любознательности, я, съ достаточнымъ числомъ нанятыхъ рабочихъ, при нѣсколькихъ нарочито мною назначеныхъ благонадежныхъ людяхъ, для присмотра за рабочими, приступилъ къ поискѣ.

Сажени на двѣ съ небольшимъ западиѣ главной массы кургана, существуетъ другой курганъ, меньшей величины, у подножія котораго, по словамъ жителей деревни Анальина, они также находили вещи, частію собранныя Г. Шишкінимъ и имъ представленные, частію пріобрѣтенные другими лицами. Хотя разрытие меньшаго кургана и представляло меныше трудности, а вышеприведенное показаніе жителей подавало надежду на сдѣлание открытій, но я приступилъ къ развѣдкѣ главной массы кургана, по слѣдующимъ причинамъ: а) помянутыя мною камни взяты именно на большоиъ курганѣ; б) на его поверхности вырыты уже ямы около трехъ четвертей аршина глубины; в) отважные кладоискатели, увлеченныя нашимъ примѣромъ, могли ночью покуситься на продолженіе своихъ поисковъ, углубляясь въ начатыя ямы, и г) послѣдній разливъ Камы, образовавъ въ курганѣ новый небольшой обвалъ, обнаружилъ въ курганѣ каменную кладку, насухо изъ твердаго плитняка, котораго ближе 12 верстъ (т. е. у починка Черной ключь), отъ настоящаго мѣста не имѣется нигдѣ.

По моему измѣренію оказалось: могильникъ къ разработкѣ котораго я приступилъ, въ окружности 219 шаговъ; высота его черезъ верхъ отъ основанія отъ 15 — 20 шаговъ. Въ отвѣсѣ нѣкоторая мѣста до 3 аршинъ.

Судя по лощинамъ, окружающимъ могильникъ, видимо образовавшимся отъ вынутія изъ нихъ земли, для насыпки кургана, и по огромности его заложенія, надо думать, что онъ нѣкогда былъ несравненно выше, чѣмъ является въ настоящее время, и что вершину этого кургана смыло разливами Камы, на его вѣку, не разъ, быть можетъ, не только затоплявшей весною окрестность, какъ затопляетъ и нынѣ еже —

годно, но и покрывавшей его своим водами. Доказательствомъ безошибочности таковой мысли моей служать въ послѣдствіи сдѣянная мною находка на столъ незначительной глубинѣ отъ поверхности кургана, что невозможно допустить, чтобы создатели такой огромной насыпи, заключавшой въ себѣ прахъ многихъ лицъ, не потрудились прикрыть своихъ покойниковъ болѣе толстымъ пластомъ земли, и чтобы подъ столъ незначительнымъ слоемъ, подъ какимъ найдены мною, они могли спокойно, не обнажаясь, пролежать многіе вѣка.

Въ описаніи открытаго мною кургана я намѣренъ держаться слѣдующей системы: первоначально объясню употребленный мною способъ разрытия кургана; потомъ подробнѣ опишу что мною найдено? какъ оно лежало въ землѣ? и, при вынутіи изъ земли, какой имѣло видъ? прослѣдивъ всякий свой шагъ на курганѣ, отъ первого удара лопатою до послѣдняго, я быть можетъ рѣшусь высказать мысли, пробужденныя во мнѣ предметами представшими мнѣ изъ міра, частію намъ неизвѣдомаго, полнаго глубокихъ тайнъ и высокаго интереса.

Разрытие кургана я началъ съ обнаженія представившейся мнѣ каменной кладки отъ толстаго слоя ее покрывавшей земли. Открывъ каменный валъ я пошелъ отъ него вдоль по кургану, на востокъ, глубокую и широкую канавою. Костяки, мною находимые на этомъ пути, и каменные кладки я обходилъ небольшою канавкою, оставляя ихъ лежащими какъ будто на столѣ или въ ящикѣ. Когда отъ этой земляной глыбы была со всѣхъ сторонъ значительно отброшена земля я разрывалъ собственноручно всякую такую глыбу, осторожно, самыми незначительными частями отдѣляя землю ножемъ или маленькою деревянною лопаточкою, до тѣхъ поръ, пока костякъ и лежавшія при немъ вещи не открывались совершенно.

Верхній слой земли всего кургана, какъ оказалось по снятіи съ него дерна и мелкихъ кустовъ лозняка, покрывавшихъ преимущественно верхнюю часть его, состоялъ изъ мелкаго, совершенно чистаго и рыхлаго чернозема.

По снятіи около трехъ четвертей аршина, оказался слой каменныхъ плитъ, облегавшихъ валъ, имѣвшій видъ подковы и обращенный къ Югу большими отверстіемъ или выходомъ (ширины 9 шаговъ). Въ восточной части этотъ валъ также имѣлъ отверстіе, но небольшое, шириной въ аршинъ, можно, впрочемъ, думать, что оно произошло отъ случайной недокладки камней на этомъ пунктѣ. Правая оконечность большаго выхода (западная) состояла изъ столба насухо сложеннаго изъ каменныхъ плитъ, лѣвая оконечность, по видимому, разрушена временемъ и Камскими разливами. Ширина камней одежды вала до двухъ

аршинъ; окружность 28 шаговъ. Внутри каменного очертанія оказался твердый слой будто перезженной земли; этотъ слой въ Юго-западной части круга былъ не толще четверти, а въ сѣверной части кургана около аршина толщиною. За этимъ слоемъ показалась перезженная глина, насыпанная почти на два аршина толщины и составлявшая какъ будто возвышение.

Въ Южной части очертанія показались уголья, заставившіе меня рыть какъ можно осторожнѣе и когда вскорѣ показались истлѣвшіе остатки человѣческихъ костей, я ихъ обошелъ канавкою, какъ выше значится и открылъ группу трехъ костяковъ, а именно:

I.

На голой землѣ, по рисунку лежащаго навзничь человѣка, сложены полуистлѣвшія кости рукъ и ногъ и перегорѣлаго черепа, развалившагося при прикосновеніи на куски. Мѣлкихъ костей этого скелета не оказалось; они или истлѣли или сгорѣли на кострѣ, изъ котораго выбраны только крупныя кости. Что человѣкъ здѣсь лежающій, какъ и всѣ другіе найденные въ этомъ курганѣ, были предварительно погребенія, на этомъ мѣстѣ ихъ костей сожжены — не подлежитъ сомнѣнію. Множество доказательствъ представляютъ дальнѣйшія находки.

Костякъ этотъ лежалъ головою на Сѣверъ, ногами на Югъ.

При этомъ костякъ найдено:

N° 1, у черепа мѣдный, какъ бы витой жгутъ, сломанный по срединѣ; (*).

N° 2, у кисти лѣвой руки желѣзный ножъ.

N° 3, у праваго бока большое желѣзное копье, безъ древка, до того съденное временемъ, что при прикосновеніи желѣзо отвалилось кусками;

N° 4 и 5, на груди двѣ мѣдные стрѣлки;

N° 6, подъ головою горшекъ, развалившійся отъ прикосновенія, наполненный изъ-сѣра черною рыхлою землѣю, какъ будто смѣшанною съ золою и перегорѣлымъ человѣческимъ прахомъ.

Всѣ большіе горшки, впослѣдствіи найденные, были наполнены такою же землею.

N° 7, у лѣваго плеча желѣзный кинжалъ, остреемъ къ скелету:

(*) Витой жгутъ — „увяло“ смот. „Записка для обозрѣнія русскихъ древностей“ Спб. 1851 г. ст. 11. Издание Императорскаго Археологическаго Общества.

II.

Не болѣе, какъ на четверть отъ поверхности земли въ слой рыхлаго чернозема, на аршинъ Южнѣе описаннаго костяка, открылись слѣды совершенно истлѣвшихъ костей; этотъ скелетъ лежалъ подобно предыдущему, при немъ найдено:

№ 8, два куска изломаннаго и изогнутаго мѣднаго жгута, у головы;

№ 9, желѣзный крючекъ, у лѣваго бока;

№ 10, на груди шесть частей мѣднаго ожерелья и одинъ обломокъ таковой же части;

№ 11, у лѣваго бока, какая-то мѣдная вещь, нѣсколько похожая на ключъ, съ сквознымъ отверстиемъ;

№ 12, тамъ же необдѣланный кремень;

№ 13, тамъ же синяя стеклянная буса ⁽¹⁾;

№ 16, какая то мѣдная вещь въ формѣ колокольчика съ сквознымъ отверстиемъ въ верхней части ⁽²⁾.

III.

Восточнѣе этихъ двухъ костяковъ, у внутренней стороны самаго вала, обложенаго камнемъ, открылся третій, совершенно истлѣвшій костякъ; при немъ разбросаны были уголья, а изъ подъ него торчало превратившееся въ уголь бревно. При этомъ костякъ найдены:

№ 15, желѣзный ножъ ⁽³⁾ у кисти лѣвой руки, концемъ обращенный къ скелету и

№ 16, нѣсколько узорчатыхъ черепковъ отъ разбившагося горшка, у праваго бока.

(1) Не тотъ ли это зеленый бисеръ, который такъ цвѣтился въ до исторической Руси, по словамъ посланника Багдатскаго Калифа Муктедира, приведеннымъ въ словарѣ Якута, Арабскаго писателя XIII-го вѣка. Смотри примѣч. 364 (стр. 99) къ тому I Ист. Госуд. Россійскаго Карамзина, изд. 1842 г. Эйверлинга.

(2) Фундуклей къ своему „Обозрѣнію могилъ, валовъ и городищъ Киевской губерніи, изданному по Высочайшему соизволенію“ (1848 г. Киевъ, въ типографіи Гликсберга) приложилъ расувокъ такой же точно вещицы (листъ XVII, рисунокъ е) найденной въ могилѣ Звѣнигородскаго уѣзда, между селеніями Петриково и Ромейковою. Фундуклей полагаетъ, что эта вещица принадлежность лука.

(3) Точно такие же ножи, какъ найдены мною, изображены Фундуклеемъ на листѣ VIII (фигуры е), какъ найденные въ могилѣ Коневскаго уѣзда, между Пиншальниками и Лазурцами.

Всѣ остальные мною найденные ножи, въ описываемомъ курганѣ, совершенное подобие этихъ ножей.

Всѣ три костяки лежали восточнѣе того возвышенія, изъ обожженной глины, о которомъ было выше упомянуто.

Окончивъ разрытіе внутри круга, обведенаго валомъ съ каменною одеждой, я углубился въ срединѣ этого круга болѣе, чѣмъ на сажень колодцемъ, т. е. до самаго материка, послужившаго основаніемъ кургану. Подъ слоемъ глины вскорѣ оказался рѣчной песокъ материка.

IV.

Выйдя канавою за описанный нами валъ, у наружной стороны его стѣны, показались человѣческія кости не глубже, какъ на четверть подъ землею, на поверхности которой были замѣты слѣды ямъ. Полуистлѣвшиі костякъ лежалъ въ беспорядкѣ. Близъ его поврежденнаго черепа стоялъ горшекъ совершенно раздавленный, и лежалъ широкій мѣдный обручъ (№ 17) съ дырами въ окончаніи, какъ бы для завязокъ; надо думать, этотъ обручъ былъ головнымъ украшеніемъ, но лежалъ ли онъ на головѣ костяка или въ него былъ поставленъ помянутый горшечекъ трудно опредѣлить, потому что, какъ видно, въ одинъ изъ прежнихъ поисковъ на курганѣ потревожено спокойствіе этой могилы и нельзя опредѣлить: въ какомъ именно видѣ положенъ здѣсь человѣкъ. При открытии черепъ былъ обращенъ лицомъ на Сѣверозападъ; сохранить его, за извѣтшалостію, оказалось невозможнымъ. Пройди канавою около аршина, мы увидѣли уголь въ значительномъ количествѣ и вскорѣ обнаружился костеръ, сложенный изъ огромныхъ бревенъ, совершенно обратившихся въ уголь. Замѣчательно, что нѣкоторые уголья имѣли въ диаметрѣ до десяти вершковъ и лежали кусками, длиною болѣе аршина. Казалось бы, на открытомъ воздухѣ угольямъ такой величины изъ бревенъ образоваться почти невозможно.

V, VI и VII.

У самаго этого костра, а частію и на немъ открыта группа, состоявшая изъ трехъ костяковъ, видимо расположенныхъ въ одно время, вмѣстѣ. Два костяка лежали рядомъ; тотъ, что лежалъ восточнѣе, вершка на два былъ южнѣе первого, въ ногахъ у костяка, лежавшаго западнѣе оказался третій, менѣй оставъ, имѣвши въ длину только 6 четвертей, тогда какъ два помянутые костяки были длины двухъ аршинъ и до 3 вершковъ.

Вместо изголовья у этихъ двухъ костяковъ лежала большая лошадиная кость (нижней части ноги); на этой кости рядомъ съ головами,

обращенными лицемъ на Югъ, лежали: съ лѣва наконечникъ какого-то мѣднаго орудія, весьма похожаго на лопаточку вѣроятно, копья съ остаткомъ дерева во втулкѣ (№ 18) (¹) и съ права наконечникъ мѣднаго копья, обыкновенной, доселѣ употребляемой, формы, безъ признаковъ дерева во втулкѣ, № 19.

Кромѣ означенныхъ вещей при этой группѣ найдено:

№ 20, таковой же наконечникъ мѣднаго орудія, съ кускомъ дерева во втулкѣ, какъ и помянутый подъ № 18, въ косвенномъ положении на мѣстѣ живота маленькаго костяка;

№ 21, горшекъ, вѣроятно, съ пепломъ, лежавшій дномъ къ верху, съ лѣваго боку, у ногъ восточнаго скелета этой группы (²);

№ 22, каменная палочка съ дырочкою, вѣроятно, тачило, выше горшка;

№ 23, маленький горшечекъ, вѣроятно, слезница, лежавшая бокомъ, на мѣстѣ груди маленькаго костяка;

Въ черепахъ этихъ трехъ костяковъ, какъ и во всѣхъ, прежде и послѣ найденныхъ, оказалась мягкая, совершенно черная земля, плотно наполнявшая всѣ пустоты.

№ 24, желѣзный ножъ, наравнѣ съ животами большихъ скелетовъ, между ними.

Всѣ эти мертвцы положены на голой землѣ, навзничь, головами на Сѣверъ, ногами на Югъ.

VIII.

Въ аршинномъ разстояніи отъ предыдущей группы нѣсколько южнѣе ея въ томъ же, что и они слой земли, оказался костякъ, обращенный лицемъ на Югъ. При немъ найдено:

(*) Такіе же, по видимому, орудія нѣсколько грубѣйшей работы найдены въ курганахъ Пермской губерніи, какъ можно заключить изъ рисунка 3 фигуры 14, приложенной къ статьѣ П. Мельникова, помѣщенной въ 9 книжкѣ XVII тома Отеч. Записокъ 1841 года подъ заглавиемъ: „Дорожные записки изъ Тамбовской губерніи въ Сибирь“ Мельниковъ полагаетъ, что это былъ особый родъ оружія Барлайцевъ, которое насаживалось на черенъ. Такіе экземпляры находятся въ кабинетѣ Г. Волегова въ Перми. Мельниковъ доказываетъ, что всѣ находки, сдѣланныя въ Пермскихъ курганахъ принадлежать аборигенамъ этой страны народу „Чуди“, названному Норманнами Барлайцами, при чѣмъ страна, ихъ названа Барлай, страною горскою, какъ прилагающею къ Уралу, отъ Норманскаго слова *bairg bootg* — горы.

(*) Этотъ и всѣ другіе найденные мною горшки въ верхней части имѣли такой же узоръ, какъ и горшокъ, описанный Фунду克莱емъ (листъ IX), найденный въ могилѣ Коневского уѣзда между Пицальниками и Лазурцами.

№ 25, остатокъ желѣзного ножа, у правой руки.

№ 26, на груди наконечникъ мѣдной стрѣлы съ незначительнымъ остаткомъ дерева во втулкѣ (*) и горшекъ съ прахомъ, развалившійся отъ прикосновенія,

Вообще надо замѣтить, стоило большаго труда вынимать горшки изъ земли: одни отъ малѣйшаго прикосновенія разваливались въ куски, другіе были уже раздавлены наваленною на нихъ землею; иные наконечн., были такъ сказать разорваны коренями осокори и березы, проникавшими курганъ во множествѣ направлений, и въ свою очередь сгнившими, такъ какъ деревья видно давно были срублены. Пробы въ воздухѣ не болѣе часа, горшки и ихъ черепья дѣлались несравненно крѣпче, а въ ночь до того окрѣпли, что уже могли вынести транспортировку на почтовыхъ:

IX, X и XI.

Въ самомъ близкомъ разстояніи отъ предыдущей находки, въ одномъ съ нею пластѣ земли, открылись лежавшія на землѣ три головы, обращенные лицемъ на Югъ; костей ихъ не сохранилось въ томъ видѣ, какъ у другихъ костяковъ. Оставы, составлявшіе принадлежность этихъ головъ, состояли изъ незначительного числа обугленныхъ костей. Часть ихъ взята мною (№ 27), также какъ и одинъ изъ череповъ хорошо сохранившійся (№ 28).

При этихъ оставахъ найдены лежавшія въ разныхъ мѣстахъ слѣдующія вещи:

Горшокъ въ изголовье;

№ 29, длинное желѣзное копье;

№ 30, мѣдный крючекъ (въ родѣ ручки отъ современной трости), съ изображеніемъ головы, какогото длинноносаго звѣря съ прижатыми ушами;

№ 31, маленький горшечекъ--слезница.

№ 32, наконечникъ какого-то оружія, подобный означенному подъ № 18 и 20, съ остаткомъ дерева во втулкѣ, и отлитый въ болѣе узорчатую, сравцительно съ ними форму;

№ 33, металлическая пластинка, совершенно съѣденная временемъ;

№ 34, украшеніе пояса или одежды изъ мѣдныхъ бляшекъ съ остаткомъ кожи, на которую были приклѣены;

№ 35, остатокъ ожерелья или браслета состоящей изъ трехъ

(*) Такія же стрѣлы изображены въ изданіи Фундукаса на листѣ XVII и XVIII (фигура в), найденныхъ въ могилахъ Коневскаго и Звѣнigorодскаго уѣздовъ.

мѣдныхъ широкихъ колечекъ, нанизанныхъ на рѣмешекъ, доселѣ сохранившейся.

При этихъ головахъ не найдено ни угля, ни камня.

По химическому разложенію земли, прилагаемой мною подъ № 36, вынутой изъ головы, означенной подъ № 28, надѣюсь хотя нѣсколько прояснится вопросъ: головы положенныхъ здѣсь покойниковъ были отрублены передъ сожженіемъ трупа и положены въ землю въ естественномъ видѣ или горѣли на кострѣ вмѣстѣ съ трупомъ и были вынуты изъ пепла, по совершенніи обряда трупосожиганія?

ХII.

Не болѣе какъ въ полуаршинѣ отъ мѣста этого послѣдняго открытия, нашлась голова лежавшая на двухъ каменныхъ плитахъ, лицемъ на Югъ; при ней никакихъ вещей, камня и угля не было. Эта голова была не въ одномъ пласту земли съ вышеписанными тремя, а аршиномъ глубже ихъ.

ХIII.

Пройдя канавою на аршинъ впередъ, мы открыли еще группу покойниковъ—ихъ было пять. Костики лежали на голой землѣ, состоявшей изъ твердаго, будто обожженнаго чернозема, головами на Сѣверъ, ногами на Югъ. Черепа скелетовъ, отъ прикосновенія, по большей части разваливались, я могъ только вынуть голову покойника, какъ видно, умершаго отъ удара какимъ-то острымъ орудиемъ—саблею или топоромъ (№ 37).

При томъ костики найдено:

№ 38, оконечникъ мѣднаго орудія съ остаткомъ древка, подобный означенному подъ № 18-мъ.

№ 39, мѣдная рукоятка ножа съ большимъ остаткомъ желѣзного лезвия, съ дырочкою въ концѣ, видимо такіе ножи носили у пояса;

№ 40, стоявшій въ ногахъ толстый, развалившійся, впрочемъ, при прикосновеніи, на мелкія черепья, горшекъ;

№ 41, въ прахѣ его наполнявшемъ маленькая сожженная косточка;

№ 42, глиняное колечко, оказавшееся въ зубахъ скелета, также какъ и

№ 43, мѣдная бляшка, бывшая, вѣроятно, украшеніемъ пояса или сбруи.

Зубъ и челюсть (№ 44), на которой лежала эта бляшка, позеленѣлые отъ окисленія мѣди, мною взяты и представляются.

XIV.

№ 45, въ ногахъ костяка грудою нѣсколько обуглившихся костей и полуугорылый черепъ.

XV.

При костякѣ, выше другихъ лежавшемъ, найдено:

№ 46, желѣзный ножъ, у руки;

№ 47, мѣдная отчетливо сдѣланная пряжка съ ушкомъ узорчатая съ обѣихъ сторонъ лежала на груди; къ сожалѣнію, отъ времени эта пряжка стала такъ хрупка, что сломилась у меня въ рукахъ, когда я стала отчищать виднѣвшійся на ней узоръ.

XVI в XVII.

При этомъ скелетѣ ничего не найдено; но при таковомъ же, рядомъ съ нимъ лежавшемъ, найдены слѣдующія вещи:

№ 48, мѣдный наконечникъ копья, подобный описанному подъ № 18, на мѣстѣ груди;

№ 49, лежавшая на предыдущей вещи каменная палочка;

№ 50, рядомъ на груди части мѣдного украшенія, съ ушками, что-то въ родѣ ожерелья;

№ 51, три части того же украшенія у кисти лѣвой руки скелета;

№ 52, желѣзный ножъ у кисти правой руки;

№ 53, какая, то мѣдная вещица, имѣющая видъ луны, посаженная на стержень съ винтобразнымъ нарѣзомъ и сквознымъ внутри отверстиемъ;

№ 54, у лѣваго бока какая, то узорчатая мѣдная вещица, съ сквозною дырочкою;

№ 55, на груди, близъ предыдущей, такая же вещица.

XVIII.

Вслѣдъ за этимъ открытиемъ, въ разстояніи отъ него не болѣе аршина, съ четвертью, нѣсколько сѣверище его, найденъ полуистлѣвший костякъ обращенный головою на Сѣверъ, лицемъ на Югъ. Подъ нимъ и близъ него не было ни камня, ни угла, онъ лежалъ на голой землѣ но чѣмъ она была ближе къ костяку, тѣмъ она была тверже и мельчѣ какъ бываетъ тверда и мелка земля, на которой разложенъ былъ большої костеръ, долго пылавшій.

Съ восточной стороны черепа этого костяка, почти въ уровень съ головою, лежалъ мѣдный сломанный жгутъ (№ 56), приставленный лирообразно къ втулкѣ какого то желѣзного орудія, имѣющаго форму нашей кирки (№ 57), лежавшаго на мѣстѣ лѣваго плеча скелета; во втулкѣ этого орудія остались небольшия кусочки проржавѣвшаго, отвердѣвшаго дерева (№ 58).

У праваго плеча костяка, лежалъ, безъ ноженъ, желѣзный длинный кинжалъ, какъ бы выкованный изъ одной полосы съ рукоятью; кинжалъ остріемъ былъ обращенъ къ скелету (№ 59), на мѣстѣ живота; найдена мѣдная стрѣлка (№ 60), у правой руки, на мѣстѣ кисти, какое то мѣдное орудіе, также въ видѣ кирки (№ 61), отчетливой работы съ ушкомъ для привѣшиванія; орудіе это лежало, по видимому, въ футлярѣ или ножнахъ, но отъ нихъ остался только прахъ; во втулкѣ этого орудія не видать слѣдовъ дерева. Въ разныхъ мѣстахъ при скелетѣ оказались сожженныя человѣческія кости, а у шеи горсть какихъ то сѣмянъ, по видимому бывшихъ завернутыми въ тряпичку, отъ которой остался одинъ прахъ; нѣкоторыя сѣмена отвердѣли а нѣкоторыя какъ будто еще сохранили жизнь (*).

XIX.

Аршина въ полутора отъ предыдущаго скелета, открылась новая группа мертвецовъ, состоявшая изъ двухъ костяковъ. Оба они лежали въ одномъ слоѣ земли. Замѣчательно, что оба эти костяка были обращены лицемъ и ногами на Сѣверъ, головы же лежали на Югъ, т. е въ противоположномъ положеніи со всѣми прежде и послѣ открытymi скелетами. Мы открыли прежде того, который лежалъ южнѣе. Достойно вниманія, что у него у одного изъ всѣхъ прежде и послѣ найденныхъ костяковъ, сохранились ребра, а также другія части человѣческаго скелета, какъ, то позвонки хребта, лопатки, развалившіяся тазъ. Мѣлкихъ же костей, какъ, то пальцевъ и тому подобное, не было и у этого костяка. Черепъ его съ челюстю очень порядочно сохранился (№ 62).

При этомъ костякѣ найдено:

(*) Надъ этими интересными сѣменами дѣлано испытаніе: я посыпалъ сѣмь сѣмачекъ въ горшки съ разною землею и тщательно ухаживаю за ними, желая, получить растеніе. Изъ семи три сѣмачка взошли и достигли уже высоты полутора вершка, давъ по шести совершенно похожихъ на коноплю листиковъ, хотя форма сѣмянъ не имѣетъ сходства съ сѣмнами конопли.

№ 63, мѣднаа стрѣлка — у лѣвой щеки;

№ 64, такая же стрѣлка — у лѣвой ноги;

№ 65, мѣдный наконечникъ такого же орудія, какъ и означенное подъ № 18, у лѣваго бока, только другой формы. Въ копѣй сохранился кусочекъ дерева, на которое былъ насаженъ этотъ наконечникъ. По этому кусочку ясно видно, что орудіе это не чѣточное какъ особой формы копье, и что оно было положено въ могилу съ отрубленымъ древкомъ. Изъ всѣхъ моихъ найденныхъ подобныхъ копій только въ этомъ сохранился деревянный гвоздь, которымъ копье было прикреплено къ древку. По неровности окончанія копья замѣтно, что оно было въ употребленіи, при чемъ очертаніе стертої части доказываетъ, какъ будто этимъ копьемъ рубили, а не кололи.

№ 66, мѣдное обыкновенной формы копье, безъ древка, у лѣваго колѣна. Это копье лежало въ футлярѣ совершенно сгнившемъ, кроме небольшой его части, лежавшей подъ самимъ копьемъ; съ величайшою осторожностью я отдѣлилъ отъ земли эту часть футляра, онъ оказался деревянымъ, покрытымъ какою то плетенкою, въ родѣ рогожи, (№ 67). На самомъ копѣй, или лучше сказать, на окиси его покрывающей плотною корою, ясно видно въ двухъ мѣстахъ слѣды ткани, которую копье было обернуто или, скорѣе, которую была покрыта внутренняя часть футляра.

Скелетъ лежалъ на голой, твердой землѣ. Угли близъ него не оказалось. Голова туго была наполнена мелкою черною землею, подобно и всѣмъ другимъ, здѣсь найденнымъ черепамъ.

XX.

Когда отъ мѣста, гдѣ по признакамъ ножныхъ костей, долженъ былъ кончаться скелетъ, мы пошли съвериѣ, показался уголь, и чѣмъ дальше мы рылись, тѣмъ въ большемъ количествѣ онъ обнаруживался. Вскорѣ открыть какъ бы одръ, сложенный изъ угла сгорѣвшихъ бревенъ и большихъ кусковъ дерева, изъ которыхъ многие стояли торчмя. Этотъ угольной помостъ, толщиною до трехъ четвертей аршина, былъ сверху хорошо выровненъ и покрытъ тонкимъ слоемъ земли или пепла, толщиною не болѣе вершка. На этомъ одрѣ оказался костякъ лежавшій, какъ выше сказано лицемъ на Съверь, совершенно истлѣвшій; голова его развалилась при прикосновеніи; для образца взяты два куска черепной кости (№ 68). Въ самомъ одрѣ и на поверхности его у этого скелета найдены различныя вещи, а въ особенности найдено горшковъ несравненно больше, чѣмъ при другихъ скелетахъ, а именно: подъ самою головою три большия горшка одинъ въ другомъ, напол-

UNIV. OF
ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ ПО РУКАМ:

ненные изъ-съра черною сухою землею; въ нихъ нашлось также нѣсколько обугленыхъ маленькихъ костей; всѣ три горшка были совершенно раздавлены и о положеніи ихъ можно было опредѣлить только по черепкамъ. Далѣе, у лѣвой щеки скелета оказалось еще три маленькихъ горшечка, одинъ въ другомъ, совершенно сохранившіеся, съ рельефною отѣлкою по краямъ (№ 69, 70 и 71); всѣ они были наполнены рыхлою землею.

№ 72, мѣдный жгутъ, лежавшій у кисти лѣвой руки, подъ толстымъ слоемъ угля, на голой землѣ;

№ 73, тридцать девять глиняныхъ кружечковъ, покрытыхъ бирюзоваго цвѣта глазурью (сожжено, впрочемъ, съ многихъ), лежали у правой половины головы скелета. Эти кружечки, какъ будто составляли браслетъ или часть ожерелья и не лежали рядомъ, а оказались разбросанными на пространствѣ квадратнаго полуаршина.

№ 74, горшечекъ у праваго бока, на четверть ниже другой, раздавленный; у праваго и у лѣваго колѣна еще по горшку, также и эти разбиты;

№ 75, мѣдная, изъѣденная временемъ, тарелочка у лѣваго бедра;

№ 76, горшечекъ у ступни лѣвой ноги;

№ 77, мѣдное ожерелье или другое украшеніе, лежавшее въ два ряда, по видимому въ футлярѣ, совершенно, впрочемъ, обратившемся въ прахъ; я нанизалъ это ожерелье на снурокъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ лежало въ землѣ. Ожерелье это положено у ступни правой ноги скелета, и состоять изъ 60 штукъ и мѣдного толстаго кольца (№ 78), видно замѣнявшаго застежку.

№ 79, мѣдная бляшка, лежавшая близь описаннаго ожерелья;

№ 80, другая бляшка меньшая, тутъ же;

№ 81, обломокъ третій.

На всѣхъ видны маленькия дыры для прикрѣпленія къ какому то предмету; надписей, изображеній на нихъ не видать, а потому трудно предположить, чтобы это были амулеты; вѣрѣ, что это головное украшеніе въ родѣ обруча, означенного подъ № 17-мъ.

№ 82, два куска желѣзной палочки, видимо обломки рукоятки ножа;

№ 83, какой-то мѣдный рожекъ, бывшій когда-то насаженнымъ на древко съ остатками того дерева;

№ 84, круглая, мѣдная крышечка съ ушкомъ.

XXI и XXII.

Въ ближайшемъ разстояніи отъ этой замѣчательной группы, не да-

лѣе отъ ней, какъ въ трехъ четвертяхъ аршина, оказался камень. Послѣ нѣкотораго труда онъ весь обнаружился: онъ состоялъ изъ нѣсколькихъ плитъ; на двухъ изъ нихъ оказались человѣческие черепы безъ признаковъ другихъ костей. Эти черепы были обращены на Сѣверо-Востокъ.

Эти головы лежали болѣе, какъ на полуаршина ниже того пласта, въ которомъ окрывались покойники съ костями.

ХХIII.

Далѣе обнаружился костякъ человѣка, положеннаго на камняхъ и какъ бы обложенаго камнями; лицемъ онъ лежалъ на Югъ, головою на Сѣверъ. У праваго его бока лежала мѣдная вещь (№ 85) со всѣхъ сторонъ покрытая какимъ то особымъ бѣловатымъ сплавомъ; сзади она была гладкая и имѣла большее ушко; вообще эта вещь очень отчетливо сдѣлана и съ лицевой стороны представляетъ изображеніе, кажется, того же самаго звѣря, который изображенъ въ крючкѣ, описанномъ подъ № 30, только тутъ онъ изображенъ въ большемъ видѣ, при томъ съ лапами и раскрытою пастью, какъ, пожирая другое животное, гораздо меньшей величины, схвативъ его лапами. Особенное сходство въ изображеніи этого животнаго съ тѣмъ, какое изображаетъ мѣдный крючекъ, видно въ прижатыхъ ушахъ животнаго и его продолговатой мордѣ.

У кисти правой руки этого скелета найденъ кинжалъ, клинокъ его стѣденъ временемъ; верхняя и нижняя часть рукоятки кинжала мѣдная; на самой рукоятки желобокъ, какъ бы для вставки какого украшенія, конечно, истлѣвшаго (№ 86).

Кромѣ того при этомъ скелете оказалось:

№ 87, каменная палочка, вѣроятно, тоцило, треснувшее у дырочки, на нижней части груди;

№ 88, у кисти лѣвой руки — желѣзный ножъ;

№ 89, у лѣваго плеча, мѣдный конецъ орудія, предполагаемаго копья, съ остаткомъ дерева во втулкѣ, до того проникнутымъ мѣдною окисью, что въ слояхъ полуистлѣвшаго дерева, видно яркозеленая крапинки;

и № 90, горшокъ въ ногахъ, развалившійся отъ прикосновенія; впрочемъ, я взялъ нѣсколько черепковъ за ихъ узорчаность.

ХХIV.

На аршинъ южнѣе вышеописанного скелета, открыты такимъ же порядкомъ лежащій костякъ, на голой землѣ. Какъ предыдущимъ, такъ

и при этомъ оказалось нѣсколько угольковъ. Особенностью въ положении этого костяка не было ни какихъ, кромѣ только того, что черепъ его у затылка по видимому пробитъ. Черепъ этотъ развалился и я взялъ пробитую кость (№ 91). При этомъ скелетъ найдено:

№ 92, обломокъ желѣзного ножа — у правой руки; въ головахъ большой, раздавленный землею, горшекъ, съ рыхлою черною землею;

№ 93, маленький горшечекъ (слезница), съ рыхлою черною землею, стоять въ ногахъ скелета;

№ 94, желѣзное оружіе, совершенно похожее на нашу кирку, оказалось у праваго плеча и

№ 95, мѣдная бляшка — ниже груди.

XXV.

За этимъ костякомъ открылась голова, лежавшая на двухъ камняхъ, и около нее нѣсколько человѣческихъ костей, разбросанныхъ въ беспорядкѣ; при нихъ желѣзный ножъ (№ 96), каменное украшеніе, имѣющее форму уха, что то въ родѣ привѣски къ сергѣ, грубой работы (№ 97). Черепъ отъ прикосновенія къ нему развалился.

XXVI.

На глубинѣ полутора аршина отъ поверхности кургана, найдена голова, лежавшая на нѣсколькихъ камняхъ; при ней не отыскано никакой вещи, — ни горшка, ни угла ни костей.

XXVII.

Въ томъ же положеніи, какъ и предыдущіе, оказался костякъ лицемъ, обращенный на югъ. Черепъ его развалился; но нижнюю челюсть я сохранилъ — ея подбородокъ округленіе чѣмъ у другихъ (№ 98). При этомъ костякѣ нашлось:

№ 90, лошадиный зѣбъ — на груди;

№ 100, у лѣваго бока — узорчатый горшечекъ, особой отъ другихъ формы, шире въ основаніи и уже въ верху; онъ развалился при прикосновеніи, — но черепки его тщательно мною собраны и склеены;

№ 101, мѣдный наконечникъ, подобный означенному подъ № 18, тѣмъ замѣчательный, что какъ бы разбить въ нижней части и отбитые кусочки или черепки вложены въ средину наконечника. Въ изломѣ эти черепки скорѣе похожи на глиняные, чѣмъ на мѣдные; какъ этотъ изломъ, такъ и самые черепки тѣмъ кажутся необыкновеннѣе, что по известнымъ свойствамъ мѣди, она не можетъ разбиваться въ черепки,

какъ чугунъ; отъ удара она могла согнуться, смяться, но не разбиться. При ударѣ острымъ орудіемъ, наконечникъ могъ быть разрубленъ, но не разбитъ въ куски. Судя по неровности фігуръ черепковъ, можно думать, что этотъ наконечникъ разорванъ въ основаніи дѣйствіемъ какихъ либо газовъ, но въ такомъ случаѣ черепья разлетались бы. Если допустить, что эта порча наконечника произведена огнемъ, то надо помнить, что мѣдь плавится, а дѣйствіе огня нисколько не замѣтно на остальной части наконечника. Вѣроятнѣе всего, что порча этого наконечника, и раздробленіе нижней его части произошло при самой отливкѣ его; но зачѣмъ бы тогда съ такимъ тщаніемъ сохранять черепки, отскочившіе можетъ быть отъ дѣйствія воды или какого другаго вещества, попавшаго въ форму, едва налитою мѣдью. Но слѣдуетъ ли предположить, что, при совершенніи обряда погребенія, тутъ же отливалось и выдѣлывалось всякое оружіе, необходимое для положенія въ могилу съ умершимъ⁽¹⁾.

Вмѣстѣ съ описаннымъ наконечникомъ найдены такъ же, съ видимыми признаками огня, два мѣдные отломка какой то вещи (№ 102); какое то мѣдное украшеніе съ пятью шишечками⁽²⁾ (№ 103) и ушкомъ, на мѣстѣ живота обломокъ ножа (№ 104); у головы съ лѣвой стороны мѣдная бляшка, съ четырьмя дырками на углахъ (№ 105), на этой бляшкѣ, послѣ самой тщательной отчистки не оказалось ни изображенія, ни надписи.

XXVIII.

Въ такомъ положеніи, какъ и предъидущій скелетъ, лежалъ совершенно истлѣвшій скелетъ на аршинъ южнѣе его и какъ будто составляя съ нимъ одну группу.

При немъ найдено:

№ 106, горшекъ—въ ногахъ;

№ 107, мѣдная стрѣлка — у шеи;

(1) Вообще должно замѣтить, что многія мѣдныя по видимому вещи, изъ числа найденныхъ иною, въ сущности какъ бы не мѣдныя, а сдѣланы изъ какого то сплавка, ломкаго, въ изломѣ не блестящаго. Къ числу такихъ вещей принадлежитъ это копье и пряжка, означенная у меня номеромъ 47; другихъ вещей я не рѣшился испытывать въ томъ отношеніи. Не изъ такого же ли металла сдѣланы вещи, открытые въ Пермскихъ курганахъ, описанные Павломъ Мельниковымъ въ Отеч. Запискахъ 1841 г. т. XVII книга 9 въ смѣси.

(2) У Фундукалея на листѣ XIII такое же украшеніе съ шишечками показано придѣланнымъ къ кольцу, составлявшему принадлежность мѣдныхъ истуканчиковъ, найденныхъ въ С. Осотѣ Чигиринскаго уѣзда.

№ 108, горшекъ — у праваго бока;

№ 109, у кисти лѣвой руки — обломокъ желѣзного ножа, остреемъ къ скелету;

№ 110, у праваго плеча — мѣдный наконечникъ, подобный описанному № 1-мъ 18.

XXIX.

По видимому, къ той же группѣ принадлежалъ, рядомъ съ предыдущимъ скелетомъ открывшійся, костякъ, такъ же лежавшій на землѣ и такъ же совершенно почти истлѣвшій. Близъ него найдено нѣсколько угольевъ и жженыхъ костей и кромѣ того:

№ 111, у кисти лѣвой руки — мѣдный наконечникъ, подобный № 18, близъ него;

№ 112, мѣдная согнутая пластинка и

№ 113, мѣдное колечко;

№ 114, въ ногахъ горшекъ, развалившійся отъ прикосновенія;

№ 115. выше колѣна обломокъ каменной палочки съ дырочкою, совершенно подобной нѣсколькимъ вышеописаннымъ (точило).

Пройдя такимъ образомъ канавою 13 сажень отъ первого каменного полукруга, нами открытаго, мы опять наткнулись на каменную гряду, шедшую паралельно помянутому валу и нѣсколько загнутую на востокъ, въ сѣверномъ своемъ концѣ.

Начавъ обнажать этотъ камень, увидѣли, что имъ такъ же обложена насыпь, какъ и въ первомъ валу. Послѣдній костякъ (XXIX) какъ будто касался верхней части этой каменной гряды. На половинѣ ея, но на аршинъ выше камня, нашлись остатки человѣческихъ костяковъ, а именно:

XXX.

Въ рыхломъ черноземѣ лежала задняя, большая часть человѣческаго черепа; нижняя челюсть и у самой головы, лошадиная ножная кость.

XXXI и XXXII.

Въ слой земли, подъ ними лежавшей, на полъ аршина выше первого, оказались остатки другаго костяка, почти совершенно истлѣвшаго; изъ подъ головы его торчало большое желѣзное копье (№ 116), остатки локтевыхъ костей, совершенно сгнившихъ, на мѣстѣ кисти лѣвой руки желѣзный ножъ лезвеемъ къ скелету (№ 117) и каменное точило на

груди (№ 118); полуаршиномъ выше остатковъ этого костяка и на полъ-аршина съверовосточнѣе его, оказалась до того раздавленная голова, что изъ черепа нельзя было отобрать ни одной цѣльной кости. Западнѣе этого черепа найденъ горшечъ, такъ же раздавленный, вѣроятно тижестью наваленной на него земли. Костякъ лежалъ обыкновеннымъ порядкомъ ногами на югъ.

Подъ этими остатками оказалось много уголья, такъ же сложенного въ костеръ, вмѣстѣ съ сгорѣлыми и не развалившимися еще бревнами. Земля подъ костякомъ была чрезвычайно крѣпка, видимо перегорѣлая. Вещей не найдено никакихъ.

XXXIII и XXXIV.

Обнажая далѣе каменную гряду оказалось, что на плитахъ, составляющихъ ея южное окончаніе, тщательно сложенъ человѣческій костякъ и на сажень лѣвѣе его (съвериѣе) другой, но лежавший только головою на каменной плитѣ, а туловищемъ на голой землѣ.

Замѣчательно, что эти два скелета были положены не такъ, какъ другіе, а именно тотъ, который лежалъ южнѣе, обращенъ былъ ногами на западъ; лежалъ навзничь, какъ и всѣ другіе, но голова его была повернута на бокъ и лицемъ онъ былъ обращенъ на югъ.

Тотъ же, который лежалъ съвериѣе его, тоже ногами на западъ, имѣлъ голову повернутую на съверъ, такъ что эти два скелета лежали затылками другъ къ другу, какъ я замѣтилъ выше, на сажень разстоянія одинъ отъ другаго. На этомъ пространствѣ не было ничего, кроме мѣдной пластинки (№ 119), не известно которому скелету принадлежавшей.

При костякѣ XXXIV найдено:

№ 120, у кисти лѣвой руки красный булыжный камень;

№ 121, у верхней части головы, совершенно раздавленной, бѣлый известковый камышекъ (*);

№ 122, у задней части головы раздавленный горшечъ;

№ 123, обломокъ желѣзного ножа и лошадиная кость на груди.

Рука съ камнемъ и оба камня лежали въ слой земли на четверть выше головы этого костяка; земля, окружавшая костякъ, оказалась мелкою изъ-съра-черною; между костякомъ и каменными плитами, на которыхъ онъ лежалъ, былъ слой земли въ вершекъ толщиною.

(*) Оба камня, хотя грубою отдѣлки, но видимо представляютъ ту же форму, какъ и изображенный Фундуклеемъ на листѣ VIII его изданія, названный точильнымъ камнемъ, найденъ въ могилѣ Коневскаго уѣзда, между Пищальниками и Лазурцами.

Передъ самимъ лицемъ, повернутой на бокъ головы скелета XXXV, оказалось иѣсколько перезженыхъ человѣческихъ костей (№ 124). Самая голова лежала на голомъ камѣ и была разрушена временемъ; у мѣста, гдѣ должно бы быть горлу оказались черепья горшка; выше головы вершка на два, найдено звѣно мѣднаго ожерелья (№ 125), подобного описанному подъ № 78, и лошадиная кость.

Кости рукъ этого скелета не были разложены по рисунку, лежащаго навзничь человѣка, какъ кости другихъ костяковъ, а просто были грудою свалены у подбородка. Грудные кости и позвонки, также лопаточныя кости, сохранились и лежали вмѣстѣ съ ручными костями. На четверть ниже этой груды оказались лошадиные зѣбы (№ 126), ножъ (№ 127), въ разныхъ мѣстахъ не много угля.

XXXV, XXXVI, XXXVII, XXXVIII.

Паралельно вышеописанной второй каменной грядѣ, въ полусажени отъ оной, обнаружился камень, шедшій такою же грядою паралельно ей, но гораздо ея короче; между этими двумя грядами найдено четыре головы, не положенные, а поставленные на камняхъ; ихъ за вѣтхостью нельзя было сберечь ни одной; при нихъ вещей не найдено, кроме обломка желѣзного ножа или какой-то палочки, лежавшей между двумя головами (№ 128); а въ южной части этого порядка земли, насыпанной между двумя рядами камней, нашлись черепья разбитаго горшка и на нихъ два зуба лошади или другаго какого животнаго (№ 129). За этою грядою обнаружилась еще каменная стѣна, болѣе аршина толщины, на ней лежали истлѣвшая голова XXXIX на камнѣ, но ни вещей, ни угля при ней не найдено. Подъ стѣною будто гротъ, наполненный чрезвычайно рыхлою черною землею, будто смѣшанною съ золою или прахомъ, судя по его изъ-сѣра-черному цвѣту; гротъ былъ выложенъ камнемъ, безъ полу, впрочемъ, такъ, что трудно опредѣлить: умышленно ли онъ сдѣланъ, или только образовался при кладкѣ камня въ стѣну.

XL.

За этою стѣною найденъ костякъ человѣка, лежавшаго на голой землѣ, при немъ нашелся обломокъ ножа (№ 130).

XLI.

Далѣе вновь обнаружился камень, совершенно такъ же облегавшій земляной парапетъ, какъ и тотъ, что былъ открытъ первоначально.

Парапетъ имѣлъ такое же очертаніе, что и первый, и былъ обращенъ отверстіемъ или выходомъ въ противоположную съ первымъ оторону, т. е. къ сѣверу. Въ срединѣ этого круга найдено два костяка, оба лежали головами на сѣверъ, лицемъ на югъ и были сложены потому рисунку, что и прочіе. У костяка, лежавшаго въ западной части круга, головы не было, а вмѣсто ея стоялъ горшекъ, раздавленный землею и наполненный изъсѣра черною землею, въ ногахъ найденъ маленький горшечекъ (№ 131) въ немъ оказалось мѣдное колечко (№ 132); у правой его руки мѣдный оконечникъ орудія (№ 133), подобный № 18; у лѣвой руки обломокъ желѣзного ножа (№ 134).

XLII.

Въ изголовье костяка, лежавшаго ближе къ восточной сторонѣ круга, также былъ маленький горшечекъ и у праваго бока другой, большей, оба раздавленные; на груди — мѣдная стрѣлка (№ 135); у правой руки кусокъ желѣзной бляшки (№ 136) и обломокъ (половинка) таковаго же желѣзного орудія, въ видѣ кирки (№ 137), какъ и описанное выше подъ № 57.

Оба костяка лежали на голой землѣ, видимо обожженнай; при нихъ найдено нѣсколько углей; глины было не видно; прорытая до самаго грунта земля (т. е. до песка) оказалась рыхлымъ черноземомъ.

Отъ этого обложенного камнемъ вала, на аршинъ растоянія, вновь обнаружился камень, на этотъ разъ сложенный въ видѣ одра; на немъ оказался костякъ, лежавшій головою на сѣверъ, лицемъ на югъ, у бока найденъ горшекъ (№ 138), въ головахъ маленький раздавленный горшечекъ; близъ него бляшка (№ 139).

Въ полуаршинѣ отъ праваго бока костяка, на двухъ сложенныхъ одна на другую каменныхъ плитахъ, найденъ поставленный черепъ. За вѣхостію его сохранить оказалось невозможнымъ. Вещей при немъ ни какихъ не найдено.

XLIII.

Обнажая каменное ложе послѣдняго костяка едва мы дошли до сѣвернаго окончанія кладки, какъ, нѣсколько сѣверо-восточнѣе послѣдніхъ камней, вновь показался камень и раскрыть ими. Оказалось, что большія каменные плиты плотно сложены одна къ другой и что на нихъ нѣтъ ни вещей ни костяка. Дальнѣйший поискъ показалъ, что въ сѣверной части этого, вновь открытаго каменнаго помоста, зарытъ горшекъ, совершенно раздавленный. Въ рыхлой землѣ, которою этотъ

горшекъ видимо былъ наполненъ, найдено двѣ птичы косточки, величиною каждая въ маленькую булавочку. У самаго горшка, разорванаго корнями какого-то растенія, изъ подъ камня, виднѣлась кость раздавленного черепа и лежала длинная мѣдная игла, по видимому обыкновенная швейная (№ 140). Это заставило меня обратить вниманіе на каменную кладку. Когда сняли каменные плиты, оказалось, что подъ ними другой такой же слой и на немъ лежитъ костякъ человѣка, раздавленного верхнимъ слоемъ камня. Голова этого скелета раздавлена совершенно, черепъ сплюснутъ, челюсть страшно свернута на сторону; лучше всего сохранилась нижняя челюсть (№ 141); руки плотно прижаты къ туловищу; обѣ ноги ниже колѣнъ сломаны; видѣнъ былъ желтоватый прахъ на мѣстѣ многихъ костей, составляющихъ человѣческій скелетъ; у самаго рта найдена мѣдная бляшка (№ 142) Костякъ лежалъ навзничь, лицемъ на Югъ, головою на сѣверъ; длина его отъ маковки черепа до мѣста, где бы должны быть ступни ногъ — $2\frac{1}{2}$ аршина.

Верхній слой камня найденъ на полутора аршинной глубинѣ отъ поверхности кургана.

Этотъ загадочный скелетъ былъ послѣднимъ, найденнымъ въ сѣверо-восточномъ окончаніи кургана, южнѣе его открыто еще нѣсколько костяковъ. Ближайшею къ этому костику находкою былъ скелетъ, лежавшій, подобно прочимъ костямъ, на голой землѣ, въ слоѣ полуаршиномъ выше предыдущаго костяка, съ большимъ горшкомъ въ ногахъ и маленькимъ въ изголовье.

XLIV.

Костякъ этотъ былъ положенъ съ виѣшней стороны восточнаго очертанія послѣдняго каменнаго вала; при немъ найденъ желѣзный ножъ (№ 143), два мѣдныхъ кольца (№ 144) и куски угля.

XLV.

На аршинъ южнѣе открылся костякъ человѣка, лежавшій такъ же навзничь, вдоль по кургану, головою на югъ, ногами на западъ. При немъ никакихъ не найдено вещей.

XLVI.

Наконецъ въ юго-восточной оконечности кургана открыть истлѣвшій костякъ, лежавшій навзничь, головою на сѣверъ, ногами на югъ. При немъ найдено:

Раздавленный горшокъ — у лѣваго бедра;

№ 145, у кисти лѣвой руки — желѣзный книжалъ, въ таковыхъ же ножнахъ, доходящихъ по половины клинка; на рукояти книжала съ обоихъ сторонъ желобки, какъ будто въ нихъ было вставлено какое украшеніе; ножны на мѣстѣ, на которомъ они бывають всегда спаяны, какъ будто разрѣзаны, къ нижней части одной стороны ноженъ, будто прикипѣла человѣческая кость; надо замѣтить, что ножны этимъ самимъ мѣстомъ касались руки скелета;

№ 146, мѣдный наконечникъ оружія, названного нами копьемъ, подобный № 18 съ остаткомъ дерева во втулкѣ — у праваго плеча;

№ 147, одно звѣно мѣднаго ожерелья, подобное описанному подъ № 78; не большиe куски угля;

№ 148, перегорѣлый зубъ лошади или другаго животнаго, на мѣстѣ живота;

№ 149, на томъ же мѣстѣ обломокъ какой то кости, по видимому, не принадлежавшей этому скелету и

№ 150, два обломка мѣдной пластинки, свернутой въ трубку и лежавшей подъ костякомъ.

И такъ Ананьевскій могильникъ разрытъ нами. Вышеприведенный разсказъ сть величайшею точностію рисуетъ все, что курганъ въ теченіи, многихъ вѣковъ ревниво берегъ отъ человѣческаго взора. Нынѣ же, когда мы овладѣли его завѣтнымъ кладомъ, невольно въ умѣ каждого изъ насъ рождается вопросъ: кѣмъ былъ ввѣренъ этотъ кладъ Ананьевскому кургану? чьи преды нами могилы? и самыя эти могилы кровавый-ли только слѣдъ враждебнаго столкновенія, близъ этого уголка, двухъ племенъ? гробница ли умершаго властителя, здѣсь погребеннаго съ толпою воиновъ и рабовъ, женъ и оруженосцевъ, друзей и враговъ? мѣсто ли совершенія обычныхъ жертвоприношеній народа, вблизи обитавшаго? или наконецъ обыкновенное кладище, племени кочевавшаго нѣкоторое время близъ этого мѣста, либо жившаго осѣдло гдѣ нибудь въ окрестности? Смѣемъ надѣяться, что разоблаченная нами могила, будетъ раскрытою книгою ученымъ антикваріямъ — историкамъ, которые вычищаютъ въ ней разгадку вышеприведенныхъ вопросовъ; что же до меня касается, то будучи далекъ отъ мысли взять на себя роль сфинкса, относительно этихъ загадокъ, я рѣшаюсь только предложить здѣсь нѣсколько мыслей по этому предмету.

Внимательно взглянувъ на разрытый могильникъ, на положеніе, въ коемъ лежали заключенные въ немъ костяки и найденные при нихъ предметы, усматриваемъ:

Мертвцы, здесь похороненные, принадлежали къ народу, въ обычай коего было трупосожиганіе.

Надо не забыть, что этотъ Индійскій обычай (вновь ввести который въ настоящее время намѣрены у себя Французы) въ древнѣйшія до христіанскія времена существовалъ и въ нашемъ отечествѣ, если можно назвать нашимъ отечествомъ пустынныя кочевья варварскихъ племенъ, и нашими предками аборигеновъ этой страны, бывшихъ извѣстными тогдашнему свѣту подъ различными учеными названіями, данными имъ писателями и географами — путешественниками того времени.

О существованіи обряда трупосожиганія у древнѣйшей Руси положительно говорятъ древніе Арабскіе писатели Масуди и Якутъ⁽¹⁾. Дозна-но, что этотъ обрядъ былъ общимъ у первобытного человѣчества; изъ колыбели человѣческаго рода этотъ обычай разнесся по лицу земли и въ послѣдствіи болѣе и болѣе сглаживаясь временемъ и развитиемъ цивилизациіи, сохранился наконецъ только тамъ, откуда пришелъ — въ Индіи. Слѣдовательно, по видимымъ признакамъ совершеннія надъ похороненными въ этомъ курганѣ людьми обряда трупосожиганія надо полагать, что они погребены во время глубочайшей древности, въ первые вѣка по Рожд. Христ. или даже, быть можетъ, и до онаго.

Расположеніе костяковъ въ курганѣ показываетъ, что по совершенніи обряда трупосожиганія выбирались изъ костра кости сожженаго и укладывались по рисунку обыкновенного человѣческаго скелета. По сохранившимся остаткамъ скелетовъ видно, что изъ костра вынимались только черепъ да нѣсколько большихъ костей отъ рукъ и отъ ногъ, остальная же обращалась въ пепель и часть этого то пепла собиралась въ горшекъ (пепельницу), зарывавшійся съ покойникомъ, въ этомъ горшкѣ иногда находились захваченные съ пепломъ, не перегорѣвшія мелкія косточки⁽²⁾.

Чѣмъ важнѣе былъ умершій, тѣмъ, вѣроятно, употребляли большее стараніе къ сохраненію его пепла и потому требовался не одинъ горшокъ для пепла, а нѣсколько; мы нашли одного только такого мертвѣ-

(1) Примѣч. 364 къ I т. Ист. Гос. Рос. Карамзина, изд. Эйнерлинга 1842 года.

(2) Цѣлость череповъ у большинства скелетовъ, тогда какъ остальныя большія кости уничтожились, не подтверждаетъ ли мысль П. С. Савельева, что у древнихъ было въ обычай сжигать одно туловище, отдѣляя голову? *Археологіческія разысканія въ Владимѣрской губерніи. Извѣстія Императорскаго Археологическаго Общества. Выпускъ I. СПБ. 1857 г. ст. 13).* Хотя обожженая голова № 27 и куски сожженыхъ череповъ ясно доказываютъ, что иные покойники кладись на костеръ, съ неотдѣленными отъ туловищъ головами.

ца (ХХ) при которомъ было шесть горшковъ, не считая вставленныхъ одинъ въ другой; этотъ же мертвецъ былъ положенъ на угольной костеръ, сложенный съ наибольшимъ тщаниемъ и при немъ найдены, какъ мы видѣли выше, наиболѣе украшеній, а оружія не было, такъ что можно въ этомъ мертвѣцѣ предполагать, какую нибудь знатную женщину.

Открытие костяка (XIX) съ ребрами и другими костями служитъ новымъ доказательствомъ, что древнѣйшия народы сожигали не всѣхъ своихъ мертвыхъ, но иныхъ клади не сожжеными. (*) Кого и почему? это остается загадкою, равно и то, почему именно этотъ человѣкъ былъ положенъ головою на югъ, тогда какъ большинство было положено головами на сѣверъ? Должно замѣтить впрочемъ, что мѣлкія кости этого костяка могли сохранится потому собственно, что они меньше другихъ, по какому нибудь случаю, пробыли на кострѣ.

Найдено нѣсколько головъ, поставленныхъ на камни безъ костяковъ. Ясно, что эти головы принесены съ поля битвы, или, если они принадлежать не убитымъ въ сраженіи, а жертвамъ какого то обычая, то они все таки отрублены гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, а не на курганѣ. Если бы они были обрублены на курганѣ, нами были бы найдены груды остальныхъ костей этихъ мертвѣцовъ.

Впрочемъ, находка этихъ головъ наводитъ на мысль, не сжигались ли обезглавленны, рабы и пѣнники совершенно, до тла, на погребальномъ кострѣ, а головы только сохранились при покойникѣ, какъ бранные трофеи, или какъ памятникъ принесенія умилостивительныхъ жертвъ. Головы эти заставляютъ думать—не правъ ли Страбонъ, съ его разсказами о народахъ, здѣсь обитавшихъ и пожиравшихъ друзей и враговъ на страшныхъ похоронныхъ пиршествахъ? Кости этихъ несчастныхъ могли быть брошены гдѣ нибудь въ кургана и разнесены камскими воинами, а одни только головы могли удостоится погребенія на общественномъ курганѣ.

Костяки положены преимущественно лицемъ на югъ, головой на сѣверъ, но нѣкоторые положены, какъ мы видѣли, въ обратномъ порядкѣ, нѣкоторые въ долѣ кургана, лицемъ на востокъ. Это показываетъ отсутствіе въ народѣ, которому принадлежать эти могилы, твердыхъ религіозныхъ убѣжденій, которая влекли бы его идеи или на востокъ, какъ напримѣръ магометанъ—къ гробу Магомета, или на западъ, какъ католиковъ, къ Папскому престолу.

(*) „Обыкновеніе сожигать трупы и погребеніе существовали—по видимому, въ одно и тоже время“. Извлеченіе изъ Всеподданнѣйшаго отчета объ Археологическихъ разысканіяхъ въ 1853 году. СПБ. 1855 г. ст. 31.

Не возможно предположить, чтобы съ равными почестями народы эти клали въ общую могилу своихъ братій и чужеплеменниковъ, будь они друзья или враги, а потому не возможно предположить, чтобы открытые нами обитатели кургана не были одноплеменниками, хотя разумѣется головы, найденные безъ костяковъ, могли принадлежать чужеземцамъ.

Впрочемъ, большинство здѣсь найденныхъ костяковъ (а именно изъ 32 полныхъ костяковъ 26 не полныхъ) лежали головою на съверъ. Въ катакомбахъ Роненбурга и Лифляндіи, г. Крузе нашелъ погребенные тѣла положенными такъ же головою на съверъ⁽¹⁾.

Обложенные камнемъ валы, изъ которыхъ одинъ имѣть внутри красную обожженную глину, иѣкоторымъ образомъ доказываютъ, что на этомъ собственно мѣстѣ сжигались предназначенные къ погребенію въ этомъ курганѣ; они по сожжениіи тутъ же, вѣроятно, и разбирались особо пепель и особо кости, и послѣ этого клались на нарочно устроенный, по близости, одръ. Таковой одръ устраивался изъ обратившихся въ уголь бревенъ тому, кто былъ познатѣе, а тому кто поничтожнѣе или побѣднѣе изъ камня или просто изъ земли, предварительно обожженої.

Мудрено предположить, чтобы мертвѣцы были сожжены на мѣстѣ, на которомъ найденъ каждый изъ нихъ; въ случаѣ сожженія ихъ на мѣстахъ погребенія, тутъ мы нашли бы угля не сравненно болѣе найденного.

Нечего и говорить, что вещи, оказавшіяся при покойникахъ, положены къ нимъ послѣ сожженія мертвѣцевъ, когда они уже были перенесены и разложены на могильныхъ одрахъ. Дерево во втулкахъ копій и другихъ вещей—доказательство, что этихъ вещей не было въ огнѣ. Всѣ вещи были разложены при покойникахъ систематически, какъ тѣ, что найдены въ катакомбахъ Роненбурга и Лифляндіи⁽²⁾, а не такъ, какъ у сожженныхъ на кострахъ и тутъ же погребенныхъ, у которыхъ вещи были въ беспорядкѣ перемѣшаны съ землею, какъ открыто въ другихъ могилахъ. Одинъ изъ скелетовъ былъ обложенъ камнемъ, одинъ былъ весь раздавленъ каменными плитами, у другаго голова тоже раздавлена. Это обстоятельство, т. е. что не одинъ, а два скелета найдены раздавленными — доказательство, что это былъ особый способъ погребенія.

(1) Фундуклей. Удет. ст. 69.

(2) Фундуклей. Удет. ст. 64.

Въ Звѣнигородскомъ староствѣ Киевской губерніи, въ четырехъ могилахъ Ольшанского уѣзда, найдены остаты, обложенные камнемъ. Фундуклей полагаетъ, что это гробы Скандинавскихъ выходцевъ (*).

Положеніе лошадиныхъ костей подъ черепами однихъ скелетовъ, лошадиные кости въ изголовья другихъ, открытіе лошадиныхъ зубовъ, пережженыхъ и не пережженыхъ, на груди нѣкоторыхъ костяковъ, доказываетъ, что у народа, котораго представители найдены нами въ Ананьинскомъ могильнику, былъ особый обрядъ при совершенніи погребенія, убивать коня умершаго.

Не о таковомъ ли обрядѣ намекаетъ легенда о судьбѣ Олега, погибшаго отъ змѣи, выползшей изъ черепа коня Игорева, на его могилѣ?

Найденные нами у костяковъ Ананьинского кургана лошадиная кости — доказательство, что костяки могилы, принадлежать народамъ, воевавшимъ на конѣ.

Цѣмъ ближе была земля къ скелету, или къ какой либо вещи, лежавщей въ курганѣ, тѣмъ земля была тверже — это обстоятельство предоставляемъ разъяснить химикамъ.

Вообще, всѣ мѣдныя вещи отлично сохранились; время покрыло многія изъ нихъ листомъ финифти, совершенно глянцевитой, какъ бы тончайшею пластинкою малахита, образовавшагося отъ окисленія вещи; если тронуть эту зеленую пластинку ножемъ, она отваливается кусками.

Нѣкоторые черепы сохранились лучше, другіе хуже, хотя лежали въ одномъ слоѣ земли; не отъ того ли, что одни были въ огнѣ дольше, другіе меньше.

Цвѣтъ черепа № 27 темный, сравнительно съ черепами № 37, 62, 68 и 91 (какъ бы осмоленный), не доказываетъ ли, что черепъ былъ въ огнѣ? Куски сложеннаго черепа № 45 очевидное доказательство, что и черепъ клялся въ огонь, только этотъ въ немъ залежался, кто знаетъ — умышленно или по неосторожности?

Судя по ранѣ на черепѣ № 37, надо полагать, что народъ, одна изъ могилъ котораго нами разыыта, боролся съ народомъ, имѣвшимъ совершенно другіе обычай и другое оружіе; ни однимъ изъ найденныхъ нами оружій такой раны нанести невозможно, она нанесена мечемъ или топоромъ. Мертвѣцы лежали то группами, то по одиночкѣ; у большинства было два горшка и ножъ; за тѣмъ остальные вещи лежали

(*) Удет. ст. 67.

въ такомъ порядкѣ, какъ будто должны были служить отличительными признакомъ земнаго значенія или занятій покойника. Найденные безъ вѣщей были, вѣроятно, рабы или плѣнники.

Съ зарытыми здѣсь покойниками положено, по видимому, всевозможное оружіе и украшенія, бывшія тогда въ употребленіи. Отсутствіе благородныхъ металловъ, монетъ и какихъ либо украшеній или оружія съ надписями, доказываетъ, что во времена этихъ погребеній у этого народа не существовало писменъ, не было въ употребленіи денегъ и благородные металлы ему были еще не знакомы, такъ же, какъ у него не было мечей, шлемовъ, панцирей, иначе хоть одинъ изъ таковыхъ могъ быть найденъ въ этомъ курганѣ. Отсутствіе исчисленныхъ предметовъ показываетъ, что народъ, которому принадлежали эти могилы, былъ въ состояніи дикости; но разматривая пристальнѣе найденные вещи, мы должны признаться, что этому народу нельзя отказать въ значительномъ развитіи искусствъ и ремесль; убѣдимся въ этомъ, если посмотримъ съ большимъ вниманіемъ на открытые вещи:

Горшки изъ самой простой глины сдѣланы съ такимъ вкусомъ, какого и нынѣ не достаетъ у нашихъ обыкновенныхъ горшечниковъ; все оружіе имѣть изящную форму; кинжалы съ мѣдными украшеніями на рукояти; стрѣлы разныхъ формъ; разныя копья, особенно мѣдныя, сдѣланы чисто и носятъ печать совершенства, также, какъ и какія-то особыя вещи, желѣзныя и мѣдныя, похожія на наши кирки, но слишкомъ хорошо сдѣянныя, чтобы служить земледѣльческимъ орудіемъ и скорѣе бывшія отличительнымъ знакомъ какой либо должности или сана; мѣдные жгуты; бляшки; тарелочки; ожерелья; крючекъ, съ изображеніемъ головы животнаго; какія-то вещицы (какъ думается Фундуклей о подобной, найденной въ южнорусской могилѣ, бывшей принадлежностю луковъ, что впрочемъ подвержено большому сомнѣнію); глиняныя кружечки, покрытые бѣлою и зеленою эмалью, хотя грубой работы, но все таки достойной вниманія; наконецъ мѣдная пряжка съ отчетливою рѣзною отдѣлкою обѣихъ сторонъ и другая съ изображеніемъ звѣря, изъ какого-то особаго металлическаго сплавка, либо изъ мѣди, покрытой таковымъ сплавкомъ. Все это вмѣстѣ взятое показываетъ болѣе высокое развитіе искусствъ, чѣмъ бы можно было предполагать у первобытныхъ народовъ.

Къ изящнымъ образцамъ искусства этого народа съ честію можетъ быть присоединена: уцѣлевшая частица ноженъ или футляра съ копьемъ, покрытая какою-то плетенкою, въ родѣ циновки, самой тонкой работы.

Ученые антикваріи, вѣроятно, объяснятъ такое противорѣчіе фактовъ

съ одной стороны доказывающихъ дикость, съ другой нѣкоторою цивилизациою въ одномъ и томъ же народѣ, въ одну и ту же эпоху ихъ гражданской жизни.

Вотъ всѣ особенности, какія мы могли замѣтить при вскрытии Ананьевского могильника, вотъ всѣ гипотезы, родившіяся въ моей головѣ при этомъ вскрытии. Но этими мыслями разъясняется ли темный вопросъ — какому именно племени принадлежалъ этотъ могильный холмъ?

Можно сказать утвердительно, что этотъ курганъ не принадлежитъ той эпохѣ Болгарского царства, въ которую свѣтлѣе уже стала его исторія: поселенія громаднаго Болгарского царства VII — VIII вѣка конечно обнимали прикамскую область; очень можетъ быть, что остатки древняго *городища* близъ Г. Елабуги, слывущаго въ народѣ подъ именемъ „Чертова“.—остатки древняго Болгарского города, сосѣдственнаго городу Бряхимову; но этотъ курганъ принадлежитъ или другому древнѣйшему народу, или самымъ Болгарамъ, только въ ихъ первобытныя времена, когда еще Болгаръ не цивилизовало торговое сближеніе съ богатѣйшими странами востока и Греціи. Тѣмъ съ большею довѣрчивостью мы можемъ взяться за эту послѣднюю гипотезу, что нѣсколько лѣтъ назадъ наши ученые, увлеченные примѣромъ извѣстнаго Ю. И. Венелина, довели свои предположенія до того, что утвердительно говорили будто Скифы, Славяне, Гуны, Болгары различные только, такъ сказать выдуманныя, изобрѣтенные названія одного и того же народа, и что этотъ народъ нѣкогда населялъ громадное пространство отъ Уральскихъ до Балканскихъ и Карпатскихъ горъ!

Какъ бы ни назывались племена, населявшія это пространство, факты доказываютъ, что ихъ населялъ одинъ и тотъ же народъ; эти факты были до времени, такъ сказать, погребены въ могилахъ и нынѣ въ нихъ найдены, тутъ и тамъ за нѣсколько тысячи верстъ разстоянія другъ отъ друга. Посмотримъ что есть общаго между разрытымъ нами и южнорусскими курганами; сравнимъ находки, сдѣланныя мною съ находками въ многочисленныхъ могилахъ югозападной Россіи и даже Тверской, Орловской и Владимірской губерніяхъ.

Существующія въ великороссіи древнія насыпи, преимущественно называются „курганами“; нами разрытая насыпь, слышать въ народѣ „могильникомъ“, подобно южнорусскимъ насыпямъ — называемымъ „могилами“.

Въ Ананьевскомъ могильнике найдено мною три жгута, совершенно подобные найденнымъ Ф. Н. Глинкою въ Тверской губерніи и описанные въ журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 1836 года; въ этой могилѣ были также явные слѣды трупосожиганія; подобная вы-

шеупомянутымъ жгутамъ шейныя гривны (серебряныя) найдены въ Орловской губерніи и уѣзда въ землѣ деревни Лѣсковъ въ промоинѣ близъ рѣки Заревни⁽¹⁾ и въ Переяславскихъ курганахъ⁽²⁾.

Въ Ананьевскомъ могильникѣ найдены точно такія мѣдныя и желѣзныя копья, какъ найдены П. С. Савельевымъ въ Переяславскомъ и Юрьевскомъ уѣздахъ, Владимірской губерніи⁽³⁾.

Въ Ананьевскомъ могильникѣ найдены мною точно такія стрѣлы, какъ найдены въ могилахъ Югозападной Россіи, описанныя Фундукеемъ въ изданиемъ имъ „обозрѣніи могиль“ и проч.; такія, какъ и тамъ найдены точильные камни, что-то въ родѣ колокольчика; горшки съ одинакимъ узоромъ по краямъ; желѣзные ножи; части ожерелья; иѣкоторыя украшенія.

Также, какъ и въ могилахъ Южной Руси, мертвцы здѣсь найденные обращены были головою преимущественно на сѣверъ; тамъ найдено по одному горшку, здѣсь по два горшка у каждого почти, у иныхъ больше, у иныхъ во все не найдено горшковъ, также здѣсь иѣкоторыя могилы въ основаніи обложены каменными плитами, также сложены костры изъ бревенъ и угля также найдена печища изъ обожженной глины; кости животныхъ; какъ тамъ иѣкоторыя положены не сожженными, такъ и здѣсь; вообще въ тѣхъ и другихъ явны слѣды трупосожиганія — найдены уголь, пепель; какъ тамъ, такъ и здѣсь найдены головы безъ костяковъ и одинъ костякъ безъ головы; между зубами иѣкоторыхъ скелетовъ могиль Югозападной Руси открывали уголь у одного изъ найденныхъ здѣсь мертвцевъ была въ зубахъ мѣдная пластинка.

Большая часть „могиль“ Югозападной Руси находится на берегахъ рѣкъ и въ настоящее время существующихъ, либо у котловинъ, въ которыхъ иѣкогда протекали рѣки; такъ и нами раскопанный курганъ возвышается на берегу обыкновенного камскаго разлива, не подалеку отъ самого рѣчного русла Камы, можно полагать пробѣгавшей въ бывшя времена, несравненно ближе къ его подножію.

Нѣть сомнѣнія, что аборигены громаднаго угла вселенной ограниченной съ одной стороны Ураломъ, съ другой Кавказомъ, еще съ двухъ Балканами и Карпатами, подобно народамъ Индійскаго племени, имѣли въ обычай сжигать своихъ покойниковъ и даже быть можетъ, подобно

(1) Извлеченіе изъ Всеподданнѣйшаго отчета и проч., ст. 12 рисунокъ № 1 на стр. 13.

(2) Удет. ст. 35 рисунокъ № 15 на стр. 37.

(3) Удет. ст. 32 рисунокъ № 7 на стр. 33.

народамъ до нынѣ еще встрѣчающимся на островахъ Тихаго океана, пожирать своихъ пленниковъ и нарочно убиваемыхъ своихъ старцевъ, служившихъ за дряхлостю обремѣнѣемъ семействъ и обществъ. Аборигенами этой страны многие вообще называютъ Скифовъ, имъ приписываютъ эти обычай, ихъ именемъ называютъ могилы, во множествѣ существующія въ Югозападной Руси. Слѣдовательно нами открытый курганъ, какъ во иногомъ тождественный съ могилами Южной Россіи, долженъ быть также названъ Скифскимъ (*). Но по нашему крайнему убѣждѣнію, въ мірѣ не существовало народа, который бы носилъ имя Скифовъ; имя это, такъ сказать, ученое, выдуманное писателями, какъ выдумано имя Славянъ, какъ выдумано имя Нѣмцевъ, или Черкесовъ.

Въ различныя эпохи и на различныхъ мѣстностяхъ земного шара, прохода съ мечемъ въ рукѣ значительная пространства — то воюя сосѣдей, то разсѣляясь, одинъ и тотъ же народъ назывался у окрестныхъ именъ: Скифами, Сарматами, Болгарами, Гуннами, Аварами, Обрами и множествомъ другихъ мудреныхъ названий и наконецъ смыть ли сказать Русскими!

На громадномъ пространствѣ „отъ Урала до Дуная до большой рѣки“, въ незапамятныя для исторіи времена, обитали наши предки, такие же Русскіе, какъ и мы, болѣе дикіе конечно, не имѣвшіе ни письменности, ни религіи, даже, быть можетъ, и слышавшіе подъ разными наименованіями у сосѣдей и у писателей далекихъ странъ. Къ этимъ-то мрачнымъ временамъ принадлежитъ истлѣвшее населеніе *Аланъинскаго могильника*, равно какъ и такое же населеніе Южно-русскихъ „*могилъ*“.

Спросить: какъ же слѣды развитія искусствъ и ремесль, столь явные

(*) Геродотова Скифія, по мнѣнію большинства ученыхъ, тянулась до Урала; въ послѣднее время ученый Надеждинъ (*Геродотова Скифія обласкненная чрезъ сличеніе со мѣстностями. Одесса. Въ городской типографіи. 1842 г.*) положительно доказалъ, что Геродоту были извѣсты народы на Сѣверѣ только до Дона, нынѣшняго Харькова, и средины Полтавской губерніи, а Волга и Уралъ, отцу Географіи, были совершенно невѣдомы, слѣдовательно невѣдомы были ему и народы тамъ обитавшіе. Но если приволжскій и прикамскій край не былъ извѣстенъ Грекамъ временъ Геродота, слѣдовательно и этому писателю, — то это еще недоказательство несуществованія въ этомъ краѣ народонаселенія, какъ не можетъ быть доказательствомъ открытие Америки Колумбомъ, что до Колумба ни Америки, ни ея населенія не существовало. Читая географическій очеркъ Скифіи Геродота, мы только приходимъ къ убѣждѣнію, что Геродоту были извѣсты одни ближайшія къ Черному морю имена Скифовъ и что онъ не имѣлъ никакого понятія объ отдаленнѣйшихъ, жившихъ на Камѣ и Волгѣ. Могилы съ ихъ сокровищами, своюю тождественностю съ могилами Геродотовой Скифіи, лучше всякихъ географовъ доказываютъ, что это громадное пространство принадлежало нѣкогда одному и тому же народу.

въ открытыхъ нами вещахъ, могли утратиться съ течениемъ времени до того, что въ массѣ населения съверо-востока Россіи искусства и ремесла не давно еще слишкомъ были далеки отъ такого состоянія. Въ отвѣтъ укажемъ на древнюю Грецію — колыбель искусствъ, и сравнимъ ее съ Греціею нашего времени. Много было причинъ, остановившихъ нравственное развитіе народонаселенія съверо-востока Россіи. Главнѣйшая причина — борьба съ сосѣдями, междуусобія, чрезмѣрная обширность пространствъ, на которыхъ разсѣялись ихъ общества, въ лѣсахъ и болотахъ, все болѣе и болѣе дѣлаясь чуждыми другъ отъ друга, все болѣе и болѣе дичая, добывая насущный хлѣбъ тяжкимъ, упорнымъ трудомъ, постепенно переходя отъ промысла звѣролова и рыболова къ ремеслу земледѣла, не менѣе тяжкому въ томъ краю, покрытымъ тогда дремучими лѣсами.

Еще рождается вопросъ: найденные вещи обличаютъ иѣкоторое развитіе искусствъ и ремесль и слѣдственно доказываютъ иѣкоторое развитіе гражданственности, развитіе которой можетъ быть только въ народѣ, издавна живущемъ на одномъ мѣстѣ. Если же этотъ край имѣлъ значительное населеніе, обычаемъ котораго было предавать землѣ покойниковъ, способомъ нами иѣсколько разоблаченнымъ открытиемъ кургана, то гдѣ же могилы многихъ другихъ изъ этого народа, имѣвшихъ равныя права на почетное погребеніе съ тѣми, которые нами найдены?

Можемъ отвѣтить одно: ихъ уничтожило или сгладило время и развитіе народонаселенія. Здѣсь не какъ въ Южной Руси, тамъ на всякомъ шагу „моили“, потому что тамъ безлюдная степь и некому было тронуть этихъ могиль; а здѣсь, въ моемъ вѣдѣнїи напримѣръ, значительная часть сильно населенного прикамского края верстъ болѣе 220 длиннику, а на этомъ протяженіи кромѣ Аканыинскаго могильника, да оставленнаго мною не тронутымъ его меньшаго брата, видно еще всего только два кургана, одинъ у села Тихія Горы⁽¹⁾ (на казенной

(*) Верстахъ въ трехъ, не дѣзжая села Тихія Горы, еслиѣхать изъ деревни Ижевскаго Устья, на лѣво отъ дороги, на обрывистомъ, весьма кругомъ берегу, обширной долины, по всей вѣроятности бывшемъ иѣкогда берегомъ Камы, теперь отступившей, между двумя очень глубокими оврагами существуетъ продолговатый курганъ, по видимому такой же формы, какъ и разрытый нами, только огромнѣе его, т. е. выше, хотя иѣшириѣе. Курганъ въ длину 29 шаговъ; чрезъ верхъ отъ основанія до обвала, въ немъ происшедшаго отъ распространенія оврага, 19 шаговъ; въ окружности отъ края обвала до края такового иѣ 69 шаговъ.

Заключая по обвалу, которому подверглось его южное окончаніе, онъ насыпной, но изъ него не торчатъ ни вещи, ни кости. Что онъ насыпной свидѣтельствуетъ также обширная выемка земли близъ него и черноземъ его составляющій, рѣзко отличающейся отъ глинистой почвы, послужившей ему основаніемъ.

Въ оврагахъ ограничивающихъ площадку, на которой онъ возвышается, множество известковаго камня, а въ иѣсколькихъ десяткахъ сажень каменная ломка

землѣ), другой близъ деревни Пустоблевой (на удѣльной) (*). Этотъ послѣдній я не имѣлъ еще случая осмотрѣть подробно, хотя видѣлъ его издали лежащимъ въ долинѣ, но жители утверждаютъ, что онъ образовался отъ устройства близъ него въ незапамятныя времена ямы для обожженія извести, что впрочемъ, судя по величинѣ его, весьма сомнительно. Будемъ ожидать распоряженія начальства о разрытии этихъ кургановъ, полагая, что таковое разрытие, въ связи съ произведенными мною, несомнѣнно повлечетъ къ новымъ важнымъ открытіямъ въ области археологии нашего отечества и древнейшей исторіи Сѣверо-востока Европы.

П. Алашиб.

26 сентября 1858 г.

Г. Сарапуль.

въ оврагѣ. Съ кургана открывается обширный видъ на камское прибрежье, частію покрытое лѣсомъ, частію пашнями и селищами.

(*) Я не говорю здѣсь объ уроціще „Чертово Городище“, близъ Елабуги, съ остатками древнихъ построекъ, оно заслуживаетъ особенного глубокаго изученія и подробнаго ученаго описанія; будемъ надѣться, что Императорское Археологическое общество обратить на него особое вниманіе и командируетъ кого либо изъ своихъ просвѣщенныхъ Членовъ, для изученія его, на мѣстѣ; такъ же умалчиваю объ уроціще „Старцева гора“, близъ Сарапуля, достойномъ вниманія; при уроціщахъ близъ удѣльного села Нечкина, называемыхъ въ народѣ *прокопями*, изъ которыхъ два сливутъ городищами. Вообще *прокопи* [*] не что иное, какъ глубокіе рвы, выкопанные въ нѣсколько рядовъ перпендикулярно одинъ другому, на горахъ, перерѣзываютъ обыкновенно оконечность или мысъ горы. Два такихъ уроціща миѣ извѣстны густо поросли хвойными лѣсомъ и можжевеловыми кустами, третье на пашнѣ, различиеніемъ изъ подъ лѣса.

Первое изъ этихъ уроціщъ находится на удѣльной землѣ, у самаго села Нечкина, на лѣвомъ берегу рѣчки Коноваловки, командуя всюю окрестностію и сосѣднимъ высотамъ; *прокопи* состоятъ изъ трехъ рвовъ, паралельныхъ одинъ другому, идущихъ черезъ гребени мысъ, такъ-называемой *красной горы* отъ ея основанія до основанія другаго ея фаса: ровъ отъ рва отдѣляется валомъ, имѣющимъ черезъ верхъ два по 5 саженъ каждый, а третій до трехъ саженъ.

Второе изъ уроціщъ находится на вершинѣ выдавшагося въ долину мыса на казенной землѣ, ниже деревни Двонакъ, у рѣчки того же имени, на пашнѣ различиеніемъ изъ подъ лѣса, называется *городищемъ*. На этомъ уроціщѣ были находимы маленькия сошники и другія желѣзныя вещи, но въ настоящее время узнать куда дѣвались эти находки невозможно.

Третье уроціще указываютъ на удѣльной землѣ, верстахъ въ трехъ отъ села Нечкина, на мысу круглой горы, выдавшемся въ Каму, на правой сторонѣ рѣчки Горанихи, у деревни Усть-Нечкинки; тамъ находили тоже стѣднныя временемъ желѣзныя вещи.

Вообще, въ народѣ существуетъ повѣрье, что все эти уроціща были обитаемы *Благолазою Чудью*; что народъ этотъ боялся водъ Камы, имѣвшей нѣкогда несравненно огромнѣйшее русло и жиль на горахъ, ограждая свои селищбы этими *прокопями*; въ народѣ эти уроціща еще извѣстны подъ сокращеннымъ именемъ *Чудки*.

[*] Отъ слова „*прокопать*“.